

Белый гриб бел

рассказ

Гриб, гроб, груб, грабь
В. В. М.

«Симуляция сознания» — такой же оксюморон, как «симуляция сложения»¹
Грег Иган

— «Благодарим вас за то, что выбрали воспользоваться услугами нашей компании. Чтобы продолжить, пожалуйста, прочтите нижеизложенные условия пользования». Так, ну это я всё знаю. «Настоящее соглашение заключается между... далее именуемой Исполнителем... » Ага, ага... Погодите, а где полоса прокрутки?

Лаборант развёл руками.

— А нет полосы прокрутки.

— Как нет? А как же?..

— А вот так. Все и всегда проматывают пользовательские соглашения. А тут — нельзя, всё-таки сами понимаете, о каких материях речь. Компания должна быть уверена, что вы всё вдумчиво прочитали. И поняли.

Демчев скрипнул зубами. Лаборант был столь убедительно участлив, что становилось очевидно: мыслями он где-то далеко.

Строки ползли по экрану мушинными шажочками.

— Вы чего-то, видно, не поняли, — хмуро сообщил Демчев. — Со мной проводил инструктаж Комитет по этике. Я же скидывал заключение.

— Да? — встрепенулся лаборант и полез в карман. — А кто?

— Лужина.

---

¹ «Город перестановок», 1994. Перевод — автора рассказа.

— Ого. Сама. — Он потыкал в смарт, уважительно вскинул брови. — Да, в самом деле. Ну что ж. Тогда вам, наверное, читать соглашение не требуется, раз вы такой подготовленный.

Повисло молчание.

Демчев вопросительно смотрел на лаборанта.

Лаборант улыбался и героически не смотрел в смарт.

Интересно, сколько ему? По ловким движениям и аккуратному воротничку кажется, что уже хотя бы девятнадцать, но вполне может выясниться, что пятнадцать с половиной. Голос уже сломался, это да. А точнее не поймёшь.

Демчев в принципе давно перестал понимать, в каком возрасте нынче взрослеют люди. Иногда ему казалось, что младенцы сразу выползают из утробы ростом метр семьдесят — с грудями, щетиной и насмешливым изломом бровей в ответ на робкое родительское «Ну, это тебе, наверное, ещё неинтересно...»

И, конечно, сатанинской компетенцией во всех вопросах.

Вот во времена Демчева всё было по-нормальному. Ты пятнадцать лет учился чёрт знает чему у людей, которым не хватило талантов самим заниматься наукой, производством или творчеством. Осваивал программу двадцати- или пятидесятилетней свежести — в зависимости от предмета. Потом шёл обивать пороги в попытках пристроить куда-нибудь эти заскорузлые навыки. Все это знали и потому воспринимали учёбу по-человечески — то есть как индульгенцию от работы и право побыть лодырем до двадцати с лишним.

А теперь ишь всякого навывдумывали. Стажировки какие-то. И не после нормальной учёбы, а вместо. Они, значит, гарантируют тебе после обучения рабочее место лет эдак на пять — а ты, получается, гарантируешь им рабочую силу лет эдак на пять.

И все почему-то ужасно рады.

А давеча ещё писали, что кое-кто кое с кем кое-где договорился о лоббировании, и небезызвестные компании снова надеются отменить нижнюю планку возраста для стажировок. Совсем уж из утробы собираются выхватывать младенцев.

Что, впрочем, нестрашно, если люди вылезают оттуда ростом метр семьдесят и сразу со щетиной.

Но пока на стажировки можно только с двенадцати. Так что лучше просто не думать, сколько лет сидящему напротив него по-прежнему без смарта лаборанту.

А воротничок, как у взрослого.

— Ну так что, вы мне это дело перематаете? — спросил Демчев. За всё это время по экрану прополз всего десяток новых строчек.

— Не могу, — качнул головой лаборант, — нет такой опции. Лицензионная программа, проприетарный код. Если мы вмешаемся в сценарий его работы, оборудование потом просто не запустится. — Он легкомысленно вскинул плечами. — Да вы не парьтесь, давайте просто подождём. Вам ещё повезло, — воздел палец. — В следующую версию они собираются встраивать трекинг зрачков. Вот тогда с гарантией читать придётся. А пока... ну ленту там полистайте, что ли.

Повисло молчание.

Мы можем идти в светлое будущее сколь угодно семимильными шагами, встраивать в пользовательские соглашения камеру с трекингом зрачков и подписывать детей на стажировки с двух лет, но две вещи человечество не победит никогда: сопли и неловкие паузы.

— Да вы тоже полистайте, — сжалился Демчев. — Свою, в смысле. Чего так просто-то скучать.

Смарт прыгнул в руку лаборанта со скоростью, бесстыже нарушающей законы ньютоновской физики.

— Марьяна Лужина, Международная комиссия по этике в сфере медицинских технологий и продления жизни. Проходите, пожалуйста.

— Марьяна... Э-э-э...

— Просто Марьяна, — она улыбнулась. — Отчества потеряли актуальность где-то между моментом, когда детей перестали производить сугубо для передачи им бизнеса, и тем, когда многопоколенные семьи окончательно развалились. Да и непривычно, я больше работаю на западе.

Ишь какая.

Странная. Взаимоисключающая. Где это видано, например, чтобы у человека лицо и голос не совпадали по возрасту? Говорила Марьяна как девчонка, звонко и весело — так что Демчев совсем не ожидал увидеть женщину уже за тридцать. Хотя дело даже и не в возрасте. Просто... сидела, поджав лапки, в уголках её глаз какая-то такая спокойная материнская усталость, какой не бывает у молодых.

Эту тоже — сразу из утробы такой вынули?..

Или вот: не врач, а почему-то в белом халате поверх пушистого свитера.

Или вот: чиновница, а протягивает ему

бокал

вина?

— Простите? — опешил Демчев. Рука автоматически вскинулась взять бокал, он себя остановил и теперь не понимал, что с ней делать. (В итоге побарабанил пальцами по столу.)

— Да вы не переживайте, — улыбнулась Марьяна. — Это сок. Я же читала вашу...

«...ладонь — там нету линии судьбы».

На самом деле она имела в виду медкарту.

Демчев тупо взял бокал и поставил перед собой.

— Это не эксцентризм, — объяснила она, наливая себе и усаживаясь на диван. — Это, как ни странно, необходимая часть процедуры. Вы же заметили, что я пригласила вас не в офис, верно?

Заметил. Вместо ожидаемого кабинета — хоть врача, хоть чиновника — сидели они в каком-то... в юности Демчева это, кажется, называли «пространствами». А может, и не называли. Короче, в просторной комнате, где были хаотично накиданы всяческие предметы мебели: пара разногабаритных столов, кресла-мешки, диван, подушка и даже — в углу — барный стул.

Посыл, в общем, понятен: DIY. Собери себе желаемый регистр общения сам.

Демчев гордо остался возле того, что максимально напоминало офисный стол.

— Серьёзные беседы нельзя проводить в серьёзной обстановке, — Марьяна пригубила сок. Или у неё было всё же вино? — Ссылку на источники прямо сейчас не дам, но мой опыт это уверенно подтверждает. Когда человека приглашают в офис, он обычно воспринимает это... как экзамен, что ли. Или как рабочую планёрку. А на рабочей планёрке вы никогда не выскажетесь так же откровенно, как в беседе с другом. — Она улыбнулась, переступили мягкие лапки в уголках глаз. — Становиться вашим другом я не собираюсь, но откровенность мне нужна именно дружеская. И пока я не увижу всамделишного понимания у вас на лице, разрешения на процедуру вы не получите.

Такая большая, а говорит «всамделишный», вяло подумал Демчев.

Ну точно сшита из ошмётков нескольких разных людей.

— Я постараюсь вас не подвести.

— Нет, Виктор, — мягко ответила Марьяна. — Вы постараетесь не подвести себя.

Как относится к отбрасыванию отчества сам Демчев, она не поинтересовалась.

— Слушайте, ну это уже пытка.

Муравьиные цепочки букв ползли по экрану, едва переставляя лапки.

— Простите, это я виноват, — лаборант отозвался мгновенно, хотя Демчев видел по бликам на бейджике, что у него в разгаре матч. — Если хотите отразить это в отзыве, давайте я вам предоставлю.

Не понял.

— Это вы что же, сами предлагаете мне написать на вас жалобу?

Лаборант пожал плечами.

— Я не уследил за тем, что у вас уже есть разрешение. Пожаловаться было бы справедливо.

Во времена Демчева сотрудник нижнего звена никогда бы сам не предложил жалобную книгу. Наоборот, выкручивался бы. Отмазывался. Извивался.

А этому — «справедливо». Это когда ж ты успело понарости-то, племя младое, незнакомое?

«Младое».

Демчеву вообще-то всего сорок семь.

Всего сорок семь.

И два года назад он был уверен, что он ещё...

— А вы знаете, что при чтении больше всего времени уходит на движение зрачков? — сказал Демчев, чтобы срочно перестать думать. — Есть такая техника скорочтения — там каждое слово высвечивают на месте предыдущего, так что читающему не приходится водить глазами. Повышает скорость в разы. Если бы договор хотя бы показывали по этой технике...

— Трекинг зрачков, — напомнил лаборант. — Не думаю, что они согласятся на вашу инновацию. Хоть идея и хорошая.

— То есть «они» готовы специально замедлить процесс и ухудшить мой потребительский опыт ради дополнительного контроля? — возмутился Демчев.

Лаборант посмотрел на него так, будто он только что разрыдался, заподозрив, что Деда Мороза нет. Или упомянул флогистон.

Дядя, тебе сколько лет? Ты из какого века?

— Ради безопасности, — уточнил лаборант. — Своей и вашей. Всё-таки не забывайте, что сейчас решаются вопросы жизни и смерти — вашей жизни и вашей смерти! К такому нельзя относиться безответственно. И компания не может позволить *вам* безответственно отнестись. Ну и вообще... компания-то международная, а значит, судиться с ними можно и в Америке. Вы представляете, в какую копеечку им там влетит потенциальный судебный процесс?

— Вы слышали про корабль Тесея?

— Ждал, когда вы спросите. Разумеется, слышал.

— Перескажете суть?

— Вы же только что сказали, что у нас тут не экзамен!

Марьяна прищурилась. Улыбка у неё была мягкая и тёплая, как кошка.

С лапками-морщинками.

— Туше. Но всё же, пожалуйста, перескажите. Так нам будет проще скорее перейти к сути.

Демчев прочистил горло.

— Ну. Это такой... логический? Или этический? Философский? Короче, парадокс. Представим, что есть этот самый корабль. И вот у него прохудился парус. Мы поставили новый. Можно ли сказать, что корабль у нас по-прежнему тот же самый? Ну конечно! А если заменим мачту? Наверное. А палубу? А через много лет, когда мы заменим все части корабля, это по-прежнему будет он же?

Иногда бывают люди, которые говорят тебе умные, правильные вещи, но заглянешь им в лицо — и видишь вдруг, что не люди это, а китайские комнаты. А по-русски если — дятлы.

Способные говорить и повторять, а понять — неспособные. Хорошие и правильные мысли ведь можно вдолбить любому болвану, и он до конца своих дней продолжит с восторгом выстукивать их по стволу.

Марьяна же была ровно наоборот. Она и слова не сказала — а он уже видел, что всё поняла, всё ухватила, вспыхнули нейроны и отразились в глазах живым блеском.

— Bravo, — кивнула она, а потом, помолчав, прибавила: — Ну и?

— Ну и что?

— Тот же корабль или не тот?

— Разные философские школы отвечают на этот вопрос по-разному.

— А как отвечаете вы?

— Слушайте, ну хватит уже, а? — не выдержал Демчев. — Я же не совсем тупица, я понимаю, к чему вы клоните. Если вам интересно, интуитивно мне всегда казалось, что в итоге корабль всё-таки уже не совсем тот, а в каком-то смысле другой. Но казалось мне так, потому что у меня, как у всех людей, башка по уши набита когнитивными искажениями и прочей дурью. А так я в курсе, что за 7-10 лет почти все клетки моего тела сменились на другие. Я сейчас сделан не из тех же материалов, как когда родился. И в быту я могу об этом не помнить, но *сейчас!* — голос его дёрнуло на сторону фальцетом, и он поспешно глотнул из бокала. — В общем, сейчас носитель меня не особо интересует.

Сохраните хотя бы сознание. Чем бы оно ни было.

Сохраните хоть кусочек *меня*.

— А вопрос и не про носитель, — ответила Марьяна как-то так, что сразу почувствовалось: фальцет она не светски не заметила, а он её правда не волновал. — Вопрос про, простите за длинное слово, *континуальность*. Непрерывность, если по-русски. А если совсем по-человечески... — она подняла лицо и впервые посмотрела на него прямо, серьёзно и зеленоглазо. — Жить продолжите не вы, а ваша копия. Копия идеальная. Точная. Она будет ощущать себя вами. У неё будет весь ваш опыт — и пассивный, глубинный, и свежий, поверхностный. Но при переносе сознания на внешний носитель ваша континуальность на мгновение будет прервана.

Марьяна вздохнула.

Демчев — нет.

Дыхание вдруг стало каким-то совершенно устаревшим и лишним. Не лучше отчества.

— Если быстро-быстро сжечь корабль Тесея и быстро-быстро построить на его месте новый, такой же, — это будет по-прежнему тот же корабль?

А можно... не такой же?

Я не хочу такой же.

Я хочу немного другой.

— Эту... тему... кажется, много обсуждала научная фантастика, — промямлил Демчев. — В начале века.

Кошка-улыбка снова переступила лапками по её лицу.

— Очень здорово, если для вас это отрефлексированная тема. — Марьяна откинулась. — Это интересный психологический феномен: как ни странно, нам гораздо важнее быть непрерывными *во времени*, чем *в пространстве*. Отрежь человеку руки, ноги, вынь ему органы, пересели его разум на искусственный — он отнесётся с пониманием. Ему будет плохо, но он не усомнится в том, что продолжает быть собой. Но скажи ему, что на полторы секунды его существование будет прервано, — и он воспримет это как смерть. — Она усмехнулась. — Хотя он еженощно так прерывается и в ус не дует.

Полторы секунды.

Почему-то это действительно звучало очень долго.

— Знаете, — пробормотал Демчев, — это всё очень интересно, но мне вообще не до философий. Вы видели мою медкарту. Я здесь не по прихоти.

Марьяна не дрогнула лицом. Даже блик по очкам не проскочил.

Ни пиетета, ни сожаления, ни банального хотя бы страха перед диагнозом.

Эти, новые, все теперь такие?

Или только те, кто торгует бессмертием?

— К сожалению, — сказала Марьяна, — философия входит в обязательную программу. Именно ради неё я вас и пригласила. Именно ей и занимается Комиссия по этике. Моя цель — не просто произнести слова, а увидеть на вашем лице подлинное понимание того, что...

— ...Что бессмертие, которое вы продаёте, — это одновременно и эвтаназия.

И снова — ни вдоха, ни вздрога. Только радостная улыбка учителя, подопечный которого быстро освоил материал.

— Именно так. Вы будете жить, вероятнее всего, вечно. Но платой за это станет ваша смерть. Когда вы переносите файл из одной папки в другую, вы на самом деле копируете его и стираете первую версию. — Всё мягкое в ней на секунду стало жёстким. — То же случится и с вами.

Интересно, часто её клиенты впадают на этом месте в истерику? Реально ли в современном мире не понимать столь простых вещей?

...Пошёл бы он на процедуру, если бы не—?..

— Марьяна, — каким-то седым голосом пробормотал Демчев, — я уже давно труп. Вы же знаете, что я уже давно труп. Ну зачем вы...

— С точки зрения биологии все мы — кратковременная флуктуация в биографии будущего трупа, — ответила она. — Но общественный опыт показывает, что на таком этическом основании многого не построишь. Тот факт, что человек смертен, не может быть основанием для убийства. И даже тот факт, что он... скоро смертен.

— Не издевайтесь.

— Я не издеваюсь. Я...

— Когда я был маленьким, бессмертие ещё не придумали, — отрезал Демчев. — Только простую эвтаназию. И я тогда дал себе слово, что если... вдруг... то я... то это правильное решение. — Он хотел усмехнуться, но вышло что-то корявое. — Так что это ваше бессмертие — так, приятный бонус.

— Спасибо за ответ, — кивнула Марьяна и что-то отметила в смарте.

Откуда их вдруг взялось столько — хороших? Спокойных? Мудрых? Искренне тянущихся к знаниям? Нам же в детстве говорили, что интернет порождает только анонимных вандалов и клиповое мышление!

Так откуда эти-то взялись? Дрессируют их там где-то, что ли?

Дрессируют, сам себе ответил Демчев. Выплачивая им во-о-от такую зарплату.

От этой мысли ему полегчало. Не признавать же, в самом деле, что новое поколение выросло просто во всех смыслах лучше него — а он, соответственно, получается во всех смыслах хуже. И ни сатисфакции тебе, ни компенсации, ничего.

Лучше думать, что за во-о-от такую зарплату и он, Демчев, стал бы хорошим, спокойным, мудрым и любопытным.

...Тупица. Непроходимый тупица.

Нет, дружок, так бывает. И даже: бывает именно так.

Только так.

Кто тебе сказал, что всем выдадут поровну? Ты что, в RPG играешь? Да даже там — в D&D начальные характеристики персонажей прокидываются кубиками, чтобы симулировать заведомую несправедливость мира. Может выйти так, что у тебя с рождения и ум, и сила, и харизма — ого-го.

А может — не выйти.

И бывает так, что вот есть в мире ты, а есть Марьяна — и она и умнее тебя, и добрее, и моложе, и просто по всем параметрам лучше.

И в кишечнике у неё не гниёт паскудная жижа четвёртой стадии.

— Теперь мне полагается объяснить вам, как это устроено технически, — продолжила Марьяна. — Вы не смотрите, что я из Комиссии по этике; соответствующая квалификация у меня есть. Правда, информацию я всё равно могу предоставить лишь ограниченную. Сами понимаете, коммерческая и деловая тайна. Это ведь частная инициатива.

— А это, кстати, нормально, Комиссия по этике? — хмыкнул Демчев. — Что мои мозги будет хранить частная компания и делать с ними что угодно?

Она приподняла бровь.

— Нормально? Да, нормально — в том смысле, что это реалия современного мира. Эффективнее всего прогресс двигают частные компании.

— Но это ж какое-то... крепостничество. Рабовладельчество. Я так понял, их выгода в том, что они получают права на все интеллектуальные продукты, что я произведу. И вроде как я обязан буду... развлекать. Делать контент. Говорят, там даже есть квоты на просмотры и лайки. — Он

неловко усмехнулся. — Вы не подумайте, что я принципиально против — ясно, что у них должна быть своя выгода. Я готов отрабатывать. Но сама эта идея, что я *принадлежу*... Как-то это... Ведь не всё же дозволено частным, вот на трансплантацию есть тысяча ограничений...

— И здесь тоже есть, — переступила лапками Марьяна. — Для этого и существуем мы.

Итак, Демчев, вот ты — банальнейший обыватель, примечательный только тем, что сгнил изнутри немного раньше статистического ожидания. Но мозг твой — всё равно удивительнейшая, сложнейшая штука, буквально восьмое чудо света. Он настолько хитёр, настолько эффективен, использует такое многообразие приёмов, что самый продвинутый инженер, попытавшись его усовершенствовать, скорее всего, сделает только хуже.

Да, можно провести полное сканирование, взять анализ точного химического состава всех компонентов и сделать точную копию твоего, Демчев, мозга. Но нужно ли?

И не только в смысле пользы для человечества.

В точной копии твоего, Демчев, мозга будет спрятана точная копия главной проблемы твоего, Демчев, мозга: в него с рождения зашита смерть. При репликации неизбежно происходят ошибки, потом они накапливаются, потом ткань вдруг теряет работоспособность, отключается орган — и всё, привет.

А без репликации жизни не существует.

Мойры во всём ошибались. Жизнь людская — это не нить, что оборвётся одним ловким взмахом ножа. Она больше похожа на взмыленного официанта, которому всё суют и суют на поднос новые тарелки, и как он ни спешит, как ни торопится, они всё копятя и копятя. Конечно, упадёт и разобьёт всё вдребезги он только однажды — но обречён был уже в тот момент, когда взял поднос в руки.

Короче, Демчев! Если просто скопировать твой мозг, то он, как и оригинал, со временем умрёт. А если хочешь бессмертия, то нужно как-то исключить ошибки репликации. Поставить над каждой молекулой ДНК, над каждой клеткой охранника с дубинкой, который бил бы их по почкам, если они надумают недобросовестно делиться.

И тут, Демчев, есть две новости: хорошая и плохая.

Хорошая: такие охранники есть. Есть нанороботы с наносканерами, нанолапками, наноусиками и сложной программой, способные исправлять в твоём организме ошибки при репликации ДНК и делении клеток.

Плохая: хоть в твоём теле и живут миллиарды бактерий, подселить к ним ещё миллиард нанороботов почему-то не получается.

Эволюция — самый странный инженер в мире. С одной стороны, она работает исключительно в стиле «пьяный мастер». Как говорил один учёный, «выживает не сильнейший, выживает лишь *самый сносный*. Эволюция не ищет оптимальных решений. Незачем быть *отличным* — достаточно просто превзойти конкурентов²».

Ну, как в анекдоте про медведя. Что, мол, если собираешь грибы с товарищем и на вас нападает медведь, то чтобы выжить, не нужно бежать быстрее медведя.

Достаточно бежать быстрее товарища.

А с другой стороны, иногда получившиеся в результате эволюции конструкции поражают эффективностью своего устройства. Так в них всё ловко и хитро переплетено, что по одной только прихоти правки не внесёшь. Вот и выходит, к примеру, так, что организмы плевать хотели на бактерий, но почему-то отторгают нанороботов, даже если те сделаны из биополимеров.

Почему — чёрт его знает. Что-то с их потреблением энергии и метаболизмом. Вроде бы и энергию им поставляют химическую, и продукты извлечения её должны быть безопасны для организма, а человеку всё равно хужает.

Но наука это решит, ты не волнуйся. Когда-нибудь потом. А тебе сейчас важно лишь усвоить, что не выйдет просто напичкать всех этими нанороботами, чтобы они боролись с ошибками репликации во всём теле. Всеобщее телесное бессмертие пока что откладывается. И даже мозг твой нельзя просто вырезать и ими начинить — только биополимерную копию.

Состав материалов, из которых эта копия сделана, конечно, хранится в строжайшей деловой тайне, но ты уж поверь нам на слово, что они нанороботов не отторгнут. Потому что если мы вдруг с этим ошибёмся, твой сын отсудит у нас такие суммы, что, честное слово, оно того не стоит.

Вот такие дела, Демчев. Пластмассовый мир победил. Будут теперь твои мозги жить в резиновой уточке.

Выпей хотя бы за то, чтобы какой-нибудь кодер хотя бы иногда с ней беседовал³.

---

² Питер Уоттс, «Ложная слепота». Перевод автора рассказа.

³ Имеется в виду популярная методика поиска багов при помощи бесед с резиновой уточкой: https://en.wikipedia.org/wiki/Rubber_duck_debugging

---

— Я понял, почему их нельзя в здоровое тело, — всё же не выдержал Демчев. — Будет больно, плохо, отторжение, самочувствие ухудшится. Ладно. Но почему нельзя... в опухоль?

Марьяна промолчала.

— Опухоль — это же бесконтрольное деление клеток. Казалось бы, вот там-то... охранники-то с дубинками... да там хоть ОМОН! Даже не исправлять, но выжечь, просто остановить этот процесс... а?

— Вам не понравится мой ответ.

Демчев уставился на неё.

Никогда руки не дрожали, а тут вдруг задрожали.

— Технологии, которые мы с вами обсуждаем, собственно, и были разработаны при поиске лекарства от рака. Но... с ними возникли этические проблемы.

Этические проблемы?

— Нанороботы управляются проприетарным кодом, — вздохнула Марьяна. — Закрытым. Это значит, что, в теории, компания, которая внедрила их в вас, способна сделать с вами всё что угодно. И со стороны невозможно провести аудит этого процесса.

Демчев почти потерял дар речи.

— Но как же... Вы же сами сказали... То есть если мои мозги буквально *продают* этой компании, если я ей *принадлежу*, то это нормально, а тут вдруг нет?

— Нет, — покачала она головой. — Нет. Ваши, как вы выражаетесь, мозги пока что не являются дееспособным гражданином. С общественной точки зрения вы останетесь человеком — вас нельзя безнаказанно убить, например; но вы не можете больше голосовать, не можете владеть собственностью. Не можете принимать важных решений. Быть может, — поспешила она прибавить, — в будущем это изменится. Но пока — уж что имеем. С точки зрения морали компания, с которой вы заключаете договор, напоминает хоспис.

И трясся и трясся бокал в пальцах, вот же тряский какой.

— Но главное... посмотрите на это с позиций здравого смысла. После переноса вы будете исключены из физического мира. Цифровая сфера, разумеется, не уступает ему по важности, но... даже взаимодействие с ней будет происходить через определённые фильтры. Говоря

прямо, вы не сможете никому навредить. А если сможете, ответственность за это однозначно понесёт компания. Вы ведь недееспособны.

— Но... при чём тут...

— А теперь представьте, что в вашем организме находится наноробот с закрытым кодом. И никто не может провести аудит и точно узнать, что именно он с вами делает.

— Да какая, к чёрту, разница?! — не выдержав, взревел Демчев. — Какая мне разница?! Я жить хочу! Жить!

Жить.

Господи.

Как же хочется жить и чтобы не было больно.

Хотя нет, можно даже чтоб больно.

Продал две квартиры — всё наследство сына, его образование, его опору в жизни. Этого, конечно, ни на что бы и близко не хватило — но повезло, подфартило, выиграл благотворительный грант.

Вцепился в него клещом.

Я не могу. *Я не могу.* Мне сорок семь. Я ещё даже не совсем облысел.

Должно было быть, как у официанта с тарелками, а вышло как с Мойрами. Когда ошибки копятся постепенно, когда гора грязной дряни на подносе растёт незаметно, однажды, может, и сам захочешь растянуться по полу, только бы оно уже всё провалилось.

А мне просто взяли и перерезали жизнь за полтора года.

— Вы хотите жить, — тихо ответила Марьяна, — а корпорация — монополист и хочет сохранить код закрытым. Но если код закрыт и при этом записан на наноробота в вашем теле, то неясно, кто из вас двоих несёт ответственность за ваши поступки. Это вы убили старуху-процентщицу? Или вам наноробот это нашептал? Как разбирать такое дело в суде?

— Но можно же... открыть код только судье...

Марьяна хмыкнула.

— Представляете, с какой скоростью этот судья передаст данные своему правительству? И с какой скоростью возникнет компания-конкурент? Нет. Они всё сделают, чтобы сохранить код

закрытым. Таковы их деловые интересы. А гражданское общество не может позволить, чтобы в дееспособном гражданине работал закрытый код. И просто отказаться от дееспособности вы тоже не можете — хотя я слышала, что такой законопроект обсуждают.

Таковы их деловые интересы.

— Их деловые интересы таковы, что я должен сдохнуть ради их монополии и их бабла, — просипел Демчев.

Но так, по инерции.

Он ведь всё понимал.

Они отыскивали лекарство — им и решать, выдать его людям или с усмешкой вылить на землю. Нельзя же *обязать* изобретателя делиться своим открытием.

Может, он вообще людей ненавидит.

Например, тех, у кого в кишках плещется гниль.

Таких людей и правда сложно любить, они раздражительны и неприятно пахнут.

...Когда б не гниль, пришёл бы я сюда?

Согласился бы стать биополимерным мозгом в баночке, пропитаться нанороботами и продать себя компании, которая настолько крупнее и богаче всех остальных компаний мира, что её называют не по бренду, а просто — «компания»?

Ну конечно, пришёл бы. Приполз.

Это же враньё всё — что сорок семь, что не облысел. Меня эта мысль повергала в ужас с семнадцати. Даже к психотерапевту ходил два раза, хотя как-то не выгорело.

Как я могу хоть что-нибудь делать, если знаю, что скоро умру? К чему-то стремиться? Что-то любить?

Кого-то?

Наверное, без гнилья было бы трудно решиться. Выбрать момент. Ведь чтобы жить вечно, сперва надо умереть. А это, наверное, даже в старости очень сложно.

Можно ведь не сегодня, а завтра. Сегодня вон даже суставы почти не болят.

Компания получает права на любые интеллектуальные продукты, которые я произведу в состоянии мозга из баночки. В этом её выгода. Вернее, в моём случае тут для тебя выгоды нет, но тс-с-с, я об этом пока говорить не буду.

А ну как откажешься.

А я очень хочу жить. Хоть бы и рабом.

Лучше раб, чем в гроб.

Дождавшись конца текста, Демчев заверил договор — сперва отпечатком пальца, потом сканом сетчатки, потом чётко артикулированной фразой «Я даю осознанное добровольное согласие на вышеописанное».

Сверкнув натренированной улыбкой из рекламного буклета и уронив смарт в карман, лаборант подхватил терминал и сделал приглашающий жест.

— Прошу!

...Марьяна перезвонила через неделю — до процедуры оставалось четыре дня, съём квартиры истекал через восемь. Голос у неё был спокойный и дружелюбный.

Бюрократическая неувязка, пояснила она. Нелепая и даже немного смешная. Оказывается, за несколько часов до того, как она подписала Демчеву разрешение, неожиданно приняли новый устав компании — и по нему разрешение теряло силу. Но чтобы не гонять бедного Демчева заново через все круги бюрократического ада, она, Марьяна Лужина, сумела изыскать способ ему просто доделать недостающие бумаги.

Прилетайте в офис компании в городе таком-то по адресу.

По адресу располагался не офис, а одно из учреждений, где хранились непосредственно мозги в непосредственно баночках — это Демчев знал, в интернете всё-таки пишут.

— А в этом и суть изменений устава. Теперь, чтобы получить разрешение на процедуру, вы обязаны хотя бы раз пообщаться с человеком, уже совершившим переход. И компания обязана предоставить вам такую возможность.

— Я вообще на десяток таких на ньютубе подписан.

Марьяна посмотрела на него как-то непонятно.

— Односторонний контакт — это же не коммуникация. Вы им оставляли комментарии? Они вам хоть раз отвечали?

— Нет.

— Вот именно.

Демчев вроде и знал, что стерильное напыление на теле такое тонкое, что рецепторы не должны его регистрировать, а всё равно не мог отделаться от ощущения, что весь облеплен паутиной.

Бахилы нравились ему больше.

— То есть мне сейчас покажут что-то такое, что недоступно обычным людям? А это — не коммерческая тайна? Я думал, она тут всем правит.

— Они изменили устав не по собственной воле, знаете ли, — туманно ответила Марьяна.

Белый халат у неё на плечах был другой, а казалось, что тот же. Она, наверное, из утробы матери вылезла не просто ростом метр семьдесят, а сразу в халате. Как раз вот таким: вроде врачебном, а руки в рукава не продеты, потому что всё же не врач.

Интересно, чем она на самом деле живёт, хотел подумать Демчев, но не стал.

Потому что на самом деле знал.

Они — вот эти, новые, всего-то лет на пятнадцать младше него, но уже из непоправимо другого поколения — они ведь в самом деле живут тем, что Демчев всегда лишь симулировал.

Наукой. Искусством. Пользой.

Неподдельным интересом к миру.

Наверное, нас можно похвалить хотя бы за то, что как-то мы всё же устроили мир так, чтобы в нём появились они.

Он ожидал, конечно, чего-то грандиозного: огромного зала с готическими сводами и двухголовыми кунсткамерными младенцами, плавающими в банках. Или гигантской стерильной комнаты с кислотно перемигивающимися дисплеями. А может, даже настоящих мозгов, в хлюпку плоть которых вонзались бы многочисленные штекеры.

В реальности же ему ни черта ему не показали — только небольшую комнатку с обычным компьютерным терминалом.

Он бы даже поиронизировал, что на той стороне терминала мог быть вовсе не биополимерный мозг, а обычный какой-нибудь фрилансер, но, в конце концов, ему-то что? Это дело Марьяны — следить, чтобы их не обманули. Чтобы не *симулировали*.

Это ведь Комиссию по этике волнует всё вот это... чтобы было честно, правильно и с лекцией про корабль Тесея.

А его, Демчева, уже почти ничего не волнует.

В комнатку их проводила средних лет дама, с которой Марьяна говорила на Демчев даже не совсем понял каком языке. Вроде не немецком, а — датском? Исландском? Каким-то северном.

Но потом дама ушла, и они остались наедине с терминалом.

— Как и вы сам, они общаются при помощи нервных импульсов, — склонилась над терминалом Марьяна. — Преобразовать их можно во что угодно — на ваш вкус. Могу синтезировать вам текст, могу речь. Или эмодзи, например, если хотите.

— Серьёзно?

— А что? Это такая же знаковая система, как и любая другая. Эмодзи даже больше, чем букв, с их помощью ещё проще кодировать...

— Давайте текст.

— Пожалуйста.

Марьяна потыкала пальцем в терминал и отошла.

Неловко знакомиться с собеседником Демчеву не пришлось: на экране уже висел текст.

> Бѣлый гриб (лат. *Volétus edúlis*), или боровік (сокращѣнно: бѣлый) – гриб из рода Боровик.

Он вопросительно посмотрел на Марьяну, но она не изменилась в лице и вообще смотрела куда-то в сторону.

Вздыхнув, Демчев собрал всё своё ораторское мастерство в кулак:

привет

> противопоставления, утерянные современным русским языком и частично сохранившиеся только в отдельных говорах: грибы – губы (губы – грибы, идущие только в засол, или грибы – бѣлые, губы – грибы вообще, или губы – грибы, имеющие вид наростов на дереве, трутовики)

оч интересно. я виктор демчев а ты?

> в отдельных говорах: грибы – губы, губы – грибы, грибы вообще, губы грибы, бѣлый гриб бел

а не про грибы что нибудь знаешь?

> бѣлый гриб бел бел гриб гриб гриб гриб гриб
гриб бел гриб

— Марьяна, — устало попросил Демчев, — я вас умоляю. Я не очень умный. Пожалуйста, объясните мне, в чём юмор ситуации.

— Какое интересное слово вы выбрали — «юмор», — она смотрела на него, но всё ещё как бы немного на сторону. — Вам кажется, что здесь должно произойти что-то забавное?

— Нет. Но происходит же! Я почти уверен, что мой собеседник цитирует мне википедию. Причём какими-то странными урывками. Он говорит не как человек, а как какая-то... нейросеть начала века⁴.

---

⁴ Примерно как небезызвестные чатботы Владимир и Эстрагон или сеть-героиня этой истории: <https://www.bbc.com/russian/features-40778454>

А мир виртуальный — спросил.

Это же так логично. Мы ориентированы на клиента. Кому арбуз, а кому свиной хрящик; кому включить кондиционер, а кому выключить; пожалуйста, укажите сами, что вы хотите чувствовать. Видеть, слышать, нюхать. Мы всё симулируем.

Но они постепенно просили всё меньше и меньше.

Они не присылали запросы.

Они не хотели ничего видеть и слышать, а в компании не нашлось никого, кто решился бы устроить им «Заводной апельсин». Они переходили на полностью цифровую коммуникацию, а ведущие их врачи пожимали плечами: может, это и органично?

У них же больше нет тел, в конце концов. Это взрослые, сознательные люди, которые понимают и принимают сей факт.

Не можем же мы, право слово, *принуждать* их к сенсорным ощущениям.

Кое-кто вообще получил разрешение на процедуру из-за диагноза «дисморфофобия». Обрекать таких пациентов на сенсорику было бы пыткой.

И мы освободили их от сенсорики, воплотив мечту о чистом разуме. Говорят же, что человек есть душа, запертая в гнилостном трупe.

Ну вот, душа воспарила.

И очутилась в объятиях деменции.

Они не знают, конечно, почему так вышло. Сам факт был подтверждён буквально на днях, не у всех пациентов и с сотнями оговорок.

В конце концов, процесс деградации занимает не меньше пяти-семи лет. Так запросто его не отловишь.

Возможно, говорили одни, аналогия с деменцией здесь совершенно неверна. Отказ от *обязательной* сенсорики — вы же помните, коллеги, что большинство из них всё же периодически посылают в систему сенсорные запросы? — так вот: этот отказ позволяет человеку выйти на уровень самозамкнутости, не сравнимый ни с чем, что мы способны испытать

в реальном мире. Называть это безумием — консерватизм, и *корпорацентризм*, и совершенно не прогрессивно. Может, они просто являют собой новую форму жизни.

Может, они счастливы.

А может, всё существенно проще. Может, человеческое сознание — это лишь эволюционный инструмент, как глаз или перья. Оно возникло, чтобы помогать нам отвечать на вызовы внешнего мира. Реагировать. Противостоять ему.

Бороться.

А если не с чем бороться, то не нужен и инструмент.

Когда извилинам нечего огибать, они выпрямляются.

Фигурально выражаясь.

Белый гриб бел.

— Так происходит не у всех, — тихо подытожила Марьяна. — И консенсуса в научном сообществе нет. Кто-то говорит, что это личный выбор. Кто-то предлагает оценивать процесс как болезнь — ментальное расстройство, требующее лечения. — Она подняла глаза. — Лично я думаю, что в итоге они деградируют все — просто с разной скоростью. В любом случае, теперь вы видите, что бы вас ждало, запишись вы на процедуру неделей раньше.

Белый гриб гриб гриб бел.

— Но как же это...

— Как такое возможно?

— Ну да. Ведь это же миллионы... миллиарды! И никто не предвидел таких осложнений?

Марьяна грустно усмехнулась.

— Вы слышали о том, как в двадцатом веке относились к радиации? Её считали полезной. Радиоактивные изотопы добавляли в пудру, зубную пасту, лекарства. И гордо писали об этом в рекламных проспектах. — Она выключила терминал и обернулась. — Безумие, да? Но иначе и не бывает. Общество никогда не стало бы терпеть учёных с их паразитическими умствованиями,

не приноси они практической пользы. Потребительских продуктов. Полезных открытий. — Марьяна отвела глаза. — Иногда наука ошибается. И иногда мы узнаём об этом, только когда тысячи домохозяек уже больны лучевой болезнью. А всё же другого пути нет. Как бы ни были хороши гипотезы, дальние последствия некоторых явлений показывает только... эксперимент. Простите.

— ...И что теперь будет?

— Не знаю, — покачала она головой, — и ещё долго не узнаю. Дискуссия только началась. Могу сказать вам одно — компанию нельзя закрыть: ей уже принадлежат жизни тысяч... иждивенцев. И кем бы они ни были, какими бы они ни были, мы не можем допустить их гибели. — Марьяна усмехнулась. — В общем, нам всем предстоит мировая юридическая война.

— То есть... в теории... я всё ещё мог бы?..

— Могли бы, — кивнула она рассеянно — кажется, не приняв его вопрос всерьёз. — Вам для этого даже не нужно моё эксплицитное разрешение — информация о том, что вы прошли необходимую процедуру, зафиксирована системой этого офиса. Но.. — Прервалась. Вздохнула: — Я соболезную вам, Виктор. Думаю, вам стоит поискать информацию о лечении опухолей нанороботами в странах с... менее щепетильным отношением к международному праву. Возможно, на этом поприще у вас есть шанс. Если хотите, могу порекомендовать вам юриста. И... мне жаль, что так вышло.

Но всё же я рада, закончилось за неё её лицо, что вы не успели.

Горькая правда ведь лучше сладкой лжи.

Между нами всего-то пятнадцать годков разницы — но *им*, новым, честным, смелым, никогда не понять *нас*.

— Переход производится в фазе глубокого сна, — бодро объяснял лаборант, закрепляя у него на лбу фиксирующие ленты. — Ни о чём не волнуйтесь: виброснотворное погрузит вас в нужное состояние, но никак не повлияет на соматический баланс организма и, соответственно, на процедуру.

Белый гриб бел — пухнет у меня в кишках, стреляет мицелием метастазов в ноги, в печень, в лёгкие и сердце. Человеку с грибом в брюхе нечего и выбирать.

А если бы не он, не гнилой белый гриб, пришёл бы я сюда теперь — узнавши о том, что меня в итоге ждёт?

Пришёл бы.

Приполз.

Прибежал.

Потому что, господа, я просто хочу жить.

Лучше раб, чем в гроб.

Лучше гриб, чем в гроб.

Грибы живут вечно.

— Вас уже проинструктировали о природе процедуры, но с точки зрения субъективных ощущений вы останетесь собой. Ваш опыт сохранится. — Демчев уже не видел лаборанта; лопасти сканера уже раскинулись над его лицом и начинали медленно вращаться. — Но самым первым и ярким вашим ощущением станет то, что вы успеете сейчас увидеть в фазе неглубокого сна. — Лаборант не мог уже ему улыбнуться, но похлопал неожиданно тёплой ладонью по колену — на прощание. — Так что думайте о чём-нибудь приятном.

...Где-то в кишечнике белый мучнистый гриб выполнял свою биологическую программу, расстилая окрест мицелий метастазов, и это ему, наверное, было приятно.

А значит, когда Демчев станет грибом сам, приятно будет и ему.

Наверняка будет.